

Д. В. ФИЛОСОФОВ

Разложение материализма

Г. Горнфельд сделал мне честь, обратив внимание на статью мою «Конец Горького»*. Очевидно, г. Горнфельд придал ей известное значение, иначе он не стал бы утомлять ее разбором внимание читателей. Это дает мне право ответить уважаемому критику, тем более, что ни в какую личную полемику я вдаваться не буду, а постараюсь говорить по существу.

Почти со всеми замечаниями г. Горнфельда я согласен. Я сознаюсь, что заглавие статьи — «Конец Горького» — не совсем удачно.

Я готов также признать, что не вся русская критика лежала у ног Горького. Особенно охотно признаю, что «критика покойного «Нового пути» относилась к Горькому без пагубных эксцессов». Признаться в этом мне тем легче, что именно в «Новом пути» (окт. 1904 г.) помещена моя статья о Горьком**, где уже проводится та самая мысль, дальнейшему развитию которой я посвятил свою последнюю статью в «Русской мысли».

Но, признавая замечания г. Горнфельда, касающиеся меня лично и внешности моей статьи правильными, я должен заметить однако, что кроме автора и формы статьи, существует ее содержание. О нем мне хотелось бы поговорить, тем более, что по существу г. Горнфельд меня ни в чем не опроверг.

I

Я утверждаю следующее: 1) сущность дарования Горького — бессознательный анархизм. «Босьяк» — тип не только социаль-

* См. статью его «Кончился ли Горький?» в сборнике «Книги и люди» (СПб., 1908).

** См. выше статью «Завтрашнее мещанство».

ный, но и общечеловеческий тип бессознательного анархиста; 2) анархизм босяка Горького соединяется чисто внешним образом с социализмом; 3) полусознательное, механическое соединение двух непримиримых идей — материалистического социализма и иррационального анархизма — пагубно повлияло на творчество Горького, и 4) «Философия» Горького — общераспространенный, дешевый материализм, лженаучный позитивизм — философия оппортунизма (sic!), унаследованная от вымирающей буржуазии и находящаяся в резком противоречии с психологией пролетариата.

Говоря о Горьком, я брал его творчество как яркое выражение коренного противоречия, заложенного в тех революционных силах, которые выступают под знаменем социал-демократии.

В социалистической литературе с утомительным однообразием повторяется мнение, что идеализм — детище буржуазии. Это ходячее мнение просто неверно. Идеализм, новое религиозное сознание — удел внеклассовых личностей. Для буржуазии же, как для класса, типичен именно тот, претендующий на целостность миросозерцания квазинаучный позитивизм, тот, вытекающий из него практический материализм, который теперь по какому-то недоразумению навязывается рабочим массам. Современная Франция, та «престарелая кокотка», которая вызвала справедливый гнев Горького, покоится как раз на философии, которую защищает Горький. Пролетариат только еще пробуждается, и он бессознательно берет на веру эту, как дурную болезнь унаследованную от буржуазии, философию, но она так же не соответствует его органической сущности, как и старый клерикализм, с его авторитетом и учением о преклонении «властям предержащим». На святой лик пролетариата надели тупую, самодовольную маску буржуа. На примере Горького легче всего проследить, как самый драгоценный материал, — живая, бунтующая, жаждущая бытия личность, попадая в переделку квази-научного материализма, хиреет, умаляется, становится плоской, безличной. Иначе и быть не может, потому что революционный пафос в корне своем идеалистичен, я бы даже сказал, религиозен. Он весь трагичен и чужд оппортунизма, присущего именно материализму и его детищу — самодовольной буржуазии.

В современной Европе происходит знаменательное явление: разлад между рабочим классом и социалистической партией. В особенно резких формах этот разлад чувствуется во Франции. Идеинному господству партии приходит конец. Непримиримый

идеалистичный пафос лучших представителей пролетариата, не вяжется с оппортунизмом, которым пропитана современная с<оциал>-д<емократическая> партия на Западе. Последовательный материализм по существу своему не может быть непримиримым. Он идейный враг всякого абсолюта, всякого далекого идеала, который прежде всего не научен и утопичен. Литтрэ¹ сказал, что «действительность есть остров, окруженный бушующим океаном неизвестности, для исследования которого у нас нет ни лодки, ни паруса...» На этом утверждении осторожного позитивиста покоится вся психология современной торжествующей буржуазии. Но она примирилась с жизнью на своем маленьком островке, и занялась разведением капусты. Упорное, из поколения в поколение копанье в земле заставило ее даже позабыть о существовании океана, и всякие попытки построить лодку для его исследования она встречает или смехом, или... штыком. Современная социал-демократия, сама того не замечая, целиком впитала в себя это ограниченное миросозерцание буржуазии, и здесь причина рокового расхождения партии с классом. Класс порывается идти в широкое море, хотя бы и на утлом суденышке, он знает, или, вернее, бессознательно чувствует, что на этом капустном острове ему не ужиться. А партия его осаживает и во что бы то ни стало хочет подчинить его своим идеям. Это ей до сих пор и удавалось. Кто осмелится отрицать, что германский пролетариат, находящийся в наиболее тесном общении с партией — не преисполнен самыми мещанскими аппетитами? Кто не видит, что французский пролетариат, борясь с партией, отстаивает идеи гораздо более широкие, чем его парламентские вожди.

Что русская с<оциал>-д<емократическая> партия чувствует изъяны своих философских предпосылок, их буржуазную, безличную оппортунистичность — видно из беспомощного стремления как-нибудь подпереть социализм нищезанятием. Не только г. Луначарский, но и Горький возятся с идеей сверхчеловека, самой наивной и антисоциальной, которая только может быть. Сводя жизнь к игре социальных и экономических факторов, т. е. к безличному благодушному оппортунизму, идеологи социал-демократы стараются сохранить личность хотя бы в виде будущего сверхчеловека, этого «барина», который приедет и «всех рассудит». Этот сверхчеловек, или, вернее, эта наивная вера в грядущего сверхчеловека — ничто иное, как продукт психологической потребности выйти из безличной цепи причинности, вечной человеческой потребности верить. Как ни наивна эта вера — она очень ценна, она — дока-

зательство невозможности для живого человека пребывать в духоте буржуазной лженаучности, того позитивизма, который незаметно, от скромного признания непознаваемого перешел к грубому его отрицанию. Современный социализм, как жизненное, реальное явление, оказывается глубже, шире, святее того устаревшего философского механизма, в который его тщательно втискивают идеологи партии. Горький, по моему мнению, одна из жертв такой механической обработки. На его стихийную натуру надели тяжелые вериги ходячего материализма. Обремененный их тяжестью, он остановился, перестал двигаться. Тут, только тут, я и вижу конец Горького. Для возрождения ему надо бы сбросить эту негодную одежду. Лучше оставаться «босяком». На примере Горького я и старался показать, как ржавчина лженаучности, полусознания развела громадное дарование Горького, сделала его бессильным. Ведь ясно же, что голос нынешнего Горького потерял свою звучность, что такая серьезная вещь его, как «На дне», имеет в революционном смысле в тысячу раз больше значения, чем сотни полуграмотных брошюрок, манифестов, которые он стал печь, как блины. Поэтому я и утверждал, что если Горький-художник не в силах осветить свое творчество светом истинного сознания, то пусть он лучше слушает только голос своего художественного инстинкта, потому что интуиция Горького выше его сознания, потому что его сознание губит его интуицию, также, как буржуазная философия партии — губит святую интуицию класса. В России эта несовместимость оппортунистической теории с непримиримой практикой действия пока не столь губительна, потому что мы переживаем острый период борьбы. Но представим себе, что после нескольких лет волнений мы перешли к настоящей буржуазной конституции. Легализованная социал-демократическая партия, конечно, пойдет по западной дорожке парламентаризма, блоков, политических комбинаций, обуржуазивания рабочих масс, если только она вовремя не откажется от своих материалистических предпосылок и не прислушается к «интуиции» пролетариата, который все что угодно, только не материалистичен.

II

Литература, особенно русская, верно отражает то, что происходит в глубинах русской души. Г. Горнфельд, который внимательно следит за новейшей русской литературой, не мог не

заметить, что в ней обнаруживается много неладного. Горький дал ряд вещей плоских, недостойных его дарования, а друг Горького, его единомышленник, выросший на той же философской почве, Леонид Андреев, написал «Жизнь человека», произведение ужасное, отчаянное. Свести этот пессимизм к индивидуальным особенностям художественного дарования Леонида Андреева — слишком близоруко. «Жизнь человека» имеет общественное значение, и успех, который пьеса встретила в широкой публике, доказывает, что коренной пессимизм, овладевший душой Андреева, уже проник и в массы. Горький безоружен перед Андреевым, потому, что из исповедуемой им и Андреевым философии только и может быть два выхода: или поверхностный оппортунизм, или полное отчаяние. Победить Андреева могут лишь те, у кого иное мирозерцание, чем у Горького. Победа может совершиться в совсем иной плоскости. Между тем, Андреев враг серьезный. Победить его необходимо. Иначе рушится вера не только в сверхчеловека, но и в самый социализм. Нечего себя обманывать: «Жизнь человека» — одно из самых реакционных произведений русской литературы, и только наивное и бездарное русское правительство может ставить препоны к его распространению. Оно реакционно потому, что уничтожает всякий смысл жизни, истории. «Жизнь человека» — вне времени и пространства. Если жизнь действительно такова, как ее изображает Андреев, то она одинаково жалка, ничтожна, бесцельна и при самодержавии и при конституции и при социалистической республике. Стоит ли бороться, стоит ли жертвовать своею жизнью, идти на каторгу, на виселицу — когда жизнь человека — сплошное издевательство «Серого Нечто», когда здесь, на земле, — все обман и суэта? Как наша публицистика просмотрела этот яд андреевской пьесы, как она не удивилась тому сочувствию, которое пьеса встретила в широкой публике, как она не ужаснулась перед этим призраком грядущей реакции, реакции самой страшной, потому что не правительственной, а общественной? Да никакой монах Илиодор² или Крушеван³ так не опасны, как «Жизнь человека». Черная сотня вызывает на борьбу с реакцией за лучшее будущее, заставляет утверждать правду жизни, истории. Андреев же притупляет чувство, волю, погружает в мрак небытия. Г-н Горнфельд может удивиться, что я подхожу к художественному произведению с точки зрения утилитарной. Но в данном случае его удивление было бы неуместно. Я нахожу, что и с художественной точки зрения «Жизнь человека» — вещь очень слабая. Истинно художественное произведение никогда не бы-

вает реакционным, только отрицающим. Оно никогда не потакает небытию...

Успеху «Жизни человека» на театре Комиссаржевской содействовали «не приемлющие мира мистические анархисты»⁴. Вот еще одно литературное явление, свидетельствующее о кризисе, который переживает современная душа. Ходячий материализм рассыпается в прах, едва сталкивается он с личностью. Не имея же твердого основания, утверждающего бытие, личность впадает в хулиганство, в самое простое хулиганство. Ведь не будет же отрицать г. Горнфельд сплошное хулиганство всей этой обильной литературы «неприемлющих мира»? Они наводнили книжный рынок половой, социальной и религиозной порнографией. Тут не оговоришься, что это все упражнения вымирающей, пресыщенной буржуазии. Характерно именно то, что в лоне мистического анархизма очутилась почти вся современная молодая литература. Здесь объединились все до сих пор непримиримые тенденции русской литературы. Кто бы мог подумать, что дети аристократических эстетов девяностых годов встретятся и подружатся с детьми наших «гражданственников», что сборники «Знания» сойдутся со «Скорпионами» и «Грифами»⁵. Старые декаденты чуждались общественности, ненавидели всякую тенденциозность. Старые «общественники» зорко блюли тенденциозный реализм, гражданскую нотку. Но теперь, точно после наводнения, все смешалось в одну кучу. Пошла какая-то «разлюли моя малина». Все радостно обнялись и с удовольствием открыли друг в друге общее хулиганское начало. Культурность старых декадентов свелась на нет, оказалась ненужной для молодежи, благонамеренность тенденциозных реалистов исчезла, погребенная под развалинами собственной примитивной философии. И началась какая-то свистопляска, блудословие, от которого с души воротит. Современная, увы! очень талантливая молодежь щеголяет своим хулиганством, доказывая всем, что человек — это вовсе не «гордо»! И очень характерна их любовь к кощунству. Как это ни покажется парадоксальным, но никогда ни один атеист старого закала не тяготел так к кощунству, как современная литературная молодежь из «не приемлющих». Мистические анархисты все вынесли на улицу и стали трепать не грубые нелепости официальной религии, а внутренние, интимные, религиозные переживания. Вся порнография стала не просто «клубничкой», а блюдом из клубнички под якобы мистическим и религиозным соусом. Начался шабаш, гнусная хлыстовщина, мистическое хулиганство...

Заниматься причитаниями, взывать к морали, конечно, нелепо. Но остановиться и призадуматься над этим явлением очень стоит. Мне лично кажется, что все это мистическое хулиганство — законное детище ходячего материализма, изнанка того же лженаучного позитивизма, которым, увы! зачастую кичится современная интеллигенция. Слишком дешево покончив с абсолютной личностью, считая ее «биологическим комком», она обезоружила самые святые свои идеалы от вторжения хулиганства. «Биологический комок» жестоко мстит и старается всю использовать те минуты наслаждения, которые ему представляет «Серый Некто». Стоя на почве материализма, этому «биологическому комку» возражать нечем...

Горький написал новую повесть, которая, по словам г-на Горнфельда, свидетельствует, что талант его еще не погиб. И слава Богу. Но Горький не только А. М. Пешков, но и Горький, т. е. символ идей, стремлений, исканий широких кругов современного общества. Возвратившись к простой, «интуитивной» литературе, освободится ли он от яда того полусознания, которое до сих пор стравливало и его, и русское общество? В этом весь вопрос. Яд слишком серьезный, вряд ли можно его преодолеть единичными усилиями отдельной личности. Здесь нужен какой-то сдвиг коллективной мысли.

1907

